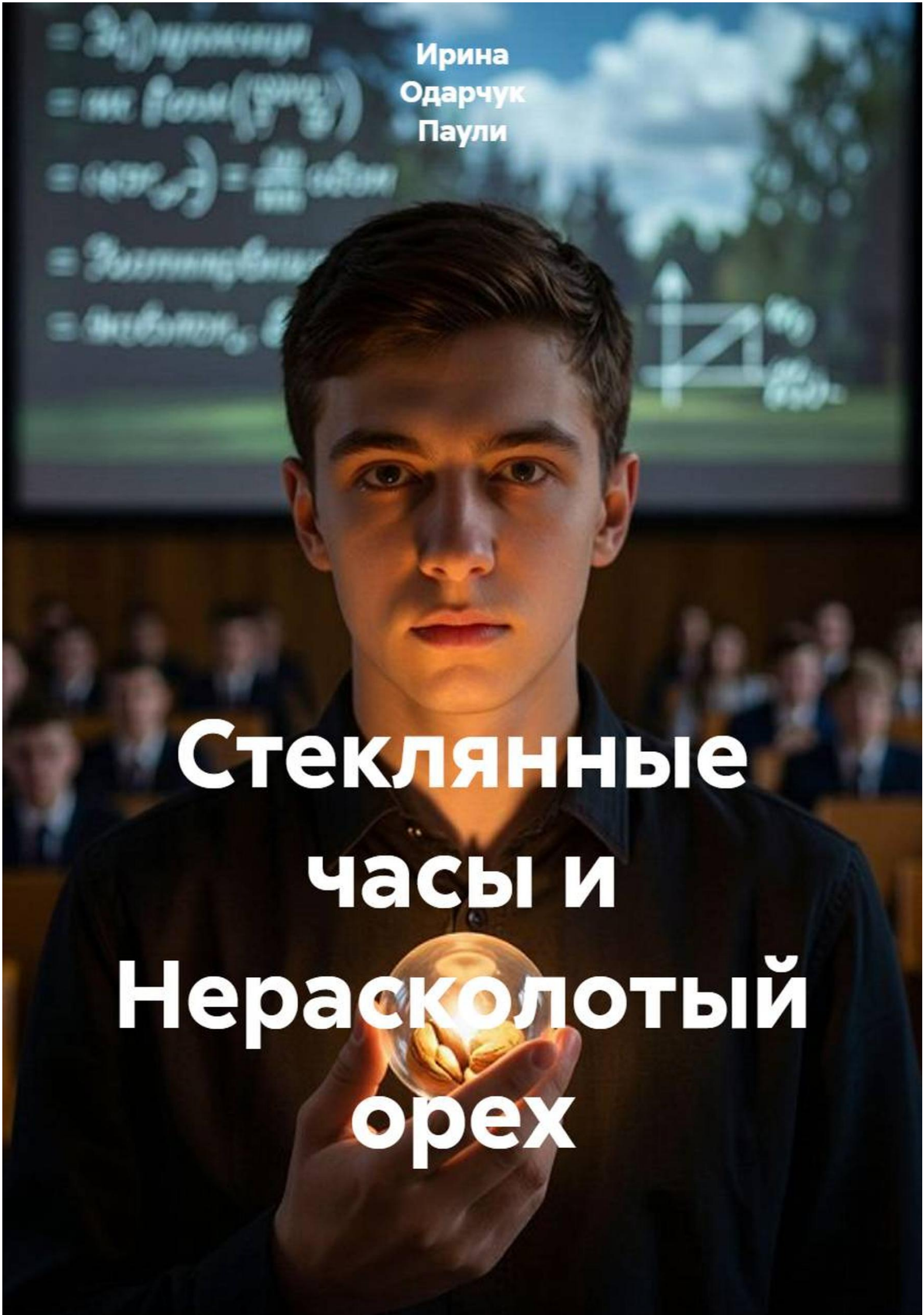
Ирина
Одарчук
Паули
Стеклянные
часы и
Нерасколотый
орех

Ирина Одарчук Паули

Стеклянные часы и Нерасколотый орех

«Автор»
2026

Ирина Одарчук Паули

Стеклянные часы и Нерасколотый орех / Ирина Одарчук Паули — «Автор», 2026

Сборник объединяет два разножанровых, но глубоко созвучных произведения Ирины Одарчук Паули: поэтический цикл «Стеклянные часы» и мистико-реалистическую повесть «Нерасколотый орех», объединенные темами хрупкости бытия, семейной памяти и преображающей силы правды.В «Стеклянных часах» через восприятие молодого учёного Асика в день защиты диссертации исследуется граница между земным и вечным. Образ трескающихся стеклянных часов становится мощной метафорой неумолимого времени, внутреннего напряжения и неизбежного перехода от мирских тревог к абсолютному свету и покою.«Нерасколотый орех» — это пронзительная история взросления шестнадцатилетнего Лёши Горелова. Приехав к умирающей бабушке в Вологду, он получает загадочное поручение: расколоть голыми руками грецкий орех, который, по семейному преданию, хранит родовое проклятие. В череде мистических встреч, вещих снов и неожиданных открытий герой узнает шокирующую правду о героической гибели отца, учится прощать себя и близких.

© Ирина Одарчук Паули, 2026
© Автор, 2026

Ирина Одарчук Паули
Стеклянные часы и Нерасколотый орех

Пролог

Ночь. Город спит, и только стены
Дрожат от внутреннего гула.
Асик лежит, и в жилах стынет
Тяжёлый сон. Ему уснула
Душа под хрусталём звенящим —
То тикают часы из стекла.
Они стоят в углу, как в настоящем,
Но стекло прозрачно, как смола,
Что застывает на стволе.
И в этом звоне — голос смерти,
Но он не слышен на земле,
Покуда спят в своей постели
Все те, кто завтра должен встать.
Асик видит: стекло трещит.
Тончайшей нитью, как печать,
Ложится трещина. Молчит
Весь мир. Но свет из этой щели
Струится тонко, как вино.
И вот уже в ночной купели
Плывёт видение одно:
Он видит смерть. Она глядит
Глазами трещины стеклянной.
И этот взгляд — как медь, как стыд,
Как приговор непостоянный.
Часы звенят. Хрустальный звон
Вползает в уши, в мозг, в висок.
Асик вскакивает, потрясён,
И падает на холодок
Рукой зажатой головы.
Сегодня. Защита. Страшный день.
И трещина в стекле — увы —
Уже легла. Ночная тень
Ушла, но звон остался в теле,
Как будто стекла зазвенели
В его костях. Он смотрит в щель
Рассвета. Там, в чужом пределе,
Часы стеклянные поют
О том, что скоро. Что уже.
И стрелки медленно ползут
По замкнутой своей меже.

Часть первая

Асик — учёный. Не пророк,
Не гений, нет. Обычный малый,
Который восемь лет берёг

Свою идею. В час усталый
Он над столом склонялся, спину
Ломая над листом бумаги.
Он изучал одну лавину
Молекул — в химической отваге
Искал закон, что свяжет всё:
Распад, сцепленье, переход.
Его диссертация — не плёс
Пустых амбиций, а восход
Над пепелищем старых догм.
Но в этом и заключался гром.
Он шёл по коридору. Стены
Смотрели вслед. И в каждой — трещина.
Он видел: стекла входят в вены
Домов. И это было вещею
Приметой. В аудитории пустой
Он сел за стол. Часы над дверью
Тик-так. Тик-так. Стеклянной тьмой
Звенели стрелки. Он не верил
В приметы. Но стекло трещало
В его груди. И это жало
Росло, как трещина в ночи.
Защита длилась три часа.
Вопросы падали, как камни.
Оппонент хмурился. Оса
Научной зависти над нами
Кружила. Но Асик отвечал —
Спокойно, твёрдо, как стекло,
Что ещё цело. Он вручал
Свои идеи тяжело
И точно. И когда совет
Ушёл считать, в стеклянный свет
Он погрузился. Звон стоял
В ушах. И трещина росла.
Он видел: свет уж вытекал
Из щели тонкого стекла.

Часть вторая

Совет вернулся. Голоса
Легли, как гири. Тишина
Была стеклянной. Полчаса
Решали. И его стена
Дрожала. Наконец: «Единогласно».
И он — кандидат. Но почему
В его груди так пусто, ясно,
Так холодно? Сквозь пелену
Он слышал поздравленья. Руки
Пожали. Кто-то говорил
О вкладе в науку. Звуки
Плыли, как в вате. Он был бел,

Как мел. И трещина в часах
Уже зияла. Свет из щели
Струился вниз. В его глазах
Стеклянный звон. И в самом деле
Он видел: смерть стоит в углу.
Она вошла в стеклянный звон,
Как входит вечер в полумглу.
И с этой встречи — он сражён.

Эпилог

А после — тишина. И земля.
И сырость. И стеклянный звон
Внизу, в могиле. Там, где тьма,
Часы идут. Со всех сторон
Они тикают. Стекло
Не пропускает свет небес.
Но в рай, где всё уже прошло,
Они проводят. Весь исчез
Тот мир, где защищённый труд
Был важен. Мир сказал: «Хорош».
И позабыл. Миры живут
Не памятью. Но всё ж
В земле сырой стеклянный ход
Не прекращается. Часы
Ведут его через восход
В тот рай, где нет уже слезы.
Где нет защиты. Нет стекла.
Есть только свет. И он — был.
Трещина свет пропустила. Мгла
Ушла. И звон в груди остыл.

Пролог

Орех лежал на ладони мальчика. Обыкновенный грецкий орех, в морщинистой скорлупе, с острым носиком и тупым пупком на другом конце. Леша Горелов сжимал его так сильно, что костяшки побелели. За окном автобуса тянулись березки — такие же серые, как ноябрьское небо над трассой М-8.

Он вез этот орех из Москвы в Вологду, в кармане куртки, завернутым в носовой платок. Бабушка сказала по телефону: «Привези. Если сможешь расколоть — значит, судьба. Не сможешь — значит, не время».

Леше было шестнадцать. Он не верил ни в судьбу, ни в орехи. Но бабушка верила, а бабушка умирала. У нее был рак поджелудочной, третий, уже неоперабельный. И этот орех — последняя просьба.

Автобус тряхнуло, и орех выскользнул из пальцев. Покатился по полу, между грязных кед и дамских сапог. Леша бросился за ним, больно стукнулся коленом о поручень, но поймал. Поймал у самых дверей, когда автобус уже тормозил на его остановке.

«Приехали», — объявил водитель.

Дождь. Серый, мелкий, вологодский. Леша вышел на площадь с автовокзала и понял, что забыл зонт. Намотал шарф потуже — шарф был мамин, из ангоры, и чесался. Вдохнул. Город пах мокрым асфальтом, жареными пирожками из ларька и чем-то еще, неуловимым: то ли льном, то ли яблоками антоновка, то ли старым деревом.

До бабушкиного дома — два квартала. Два самых длинных квартала в его жизни.

Глава 1. Скорлупа обычая

Бабушка жила в деревянной двухэтажке на Советском проспекте. Дом был 1912 года постройки, с резными наличниками и крыльцом, которое просело вправо, как корабль, берущий крен. Леша любил этот дом летом — когда пахло малиной и нагретыми досками, а в щелях пола спали сонные шмели. Зимой дом казался живым существом: скрипел, вздыхал, выл печными трубами.

Сейчас была осень. Ноябрь. Дом молчал.

Леша поднялся на второе крыльцо (первое сгнило окончательно, и сосед дядя Витя прибил доску поперек — «запасной вход»). Дверь не заперта. Запах — лекарства, капустный суп, нафталин и свежее варенье. Кто-то варил варенье? В ноябре?

— Бабуль? — позвал он тихо.

Из глубины коридора ответил голос — не бабушкин, чужой. Низкий, с хрипотцой, женский, но какой-то... прокуренный, что ли.

— Проходи, Лёшенька. Ждём.

Он прошел на кухню. Остановился в дверях.

За столом сидела женщина. Лет пятидесяти, в ситцевом халате в розочках, с папиросой в зубах. Волосы крашенные — медная рыжина, уже отросшая у корней седая. Глаза — выцветшие, водянисто-голубые, но с таким прицелом, будто она целится в тебя из рогатки.

— А бабушка? — спросил Леша.

— В больнице. Вчера увезли. Скорую вызывали, да поздно было, ты ж знаешь, у нас скорая — как лотерея. Повезли в областную. Я тут вещи собрала, поеду к ней через час. А ты — молодец, что приехал.

— А вы кто?

— Я — Марфа. Подруга бабки твоей. Сорок лет дружим. Садись, чай горячий, пирог с капустой. Ты ведь Леша? Вылитый отец. Царствие ему небесное...

Леша сел. Есть не хотелось. Он вытащил из кармана орех, положил на стол.

Марфа посмотрела на орех, усмехнулась, и папироса качнулась в углу рта.

— А, этот. Ну-ну. Бабка твоя, знаешь, какая была? Не была — есть. Есть еще бабка твоя, не хорони раньше времени. Вона как борется. Сказала: «Пока орех не расколется, я не умру». И врачам назло — живет уже вторую неделю после того, как отказали почки. Представляешь?

Леша не представлял. Медицину он знал плохо, но почки — это серьезно. Или нет?

— А что за орех? — спросил он. — Обычный ведь.

Марфа выпустила дым в приоткрытую форточку. За окном накрапывал дождь, и капли влетали внутрь, шипели на горячей плите.

— Необычный. Твоя бабка — она из рода знахарок. Не тех, что с погремушками и заговорами на угли, а других. Молчаливых. У них сила в руках была. И этот орех... он, как бы сказать... он ядро проклятия хранит. Или благословения. Тут уж как повезет.

— Какого проклятия? — Леша почувствовал, как затылок покрывается холодным потом. Ему всегда было страшно, когда бабушка начинала «чудить». Но бабушка была мягкая, добрая, вязала крючком салфетки. А тут — Марфа с папиросой и странные слова.

— Такого, что весь ваш род по мужской линии перебило. Твой отец — погиб. Его отец — пропал без вести на войне. Прадед — на гражданской. А до того — еще дальше. Шестеро мужчин, Лёша. Шестеро. Все Гореловы уходили рано, без наследников, без завещаний. Один ты остался. И бабка твоя решила: либо ты орех этот раскусишь, и проклятие спадет, либо...

— Что — либо?

— Либо ты седьмой. И тогда конец вашей фамилии.

Леша засмеялся. Нервно, отрывисто, как тявкает маленькая собака. Ему было шестнадцать, он учился в физмат-классе, верил в теорему Пифагора и закон Ома. Проклятия? В двадцать первом веке?

— Не смешно, — сказала Марфа. Она погасила папиросу о донышко чашки, хотя пепельница стояла рядом. — Я сама не верила, пока не увидела. Давай чай пить. А потом пойдем в больницу. Бабка тебя ждет.

Они пили чай. Пирог действительно был вкусный — слоеный, с капустой и яйцом. Леша съел два куска, сам не заметив. Мысли путались. Орех лежал на столе, между солонкой и хлебницей, — маленький, морщинистый, совершенно безобидный. И в то же время — нет. Было в нем что-то тяжелое, как будто внутри не ядро, а свинец.

Марфа, глядя на него, вдруг сказала:

— Попробуй расколоть сейчас. Руками.

Леша взял орех. Сжал. Скорлупа не поддалась. Он сжал сильнее — до хруста в пальцах. Ни трещины.

— Я не могу. Слишком твердый.

— Твердый, — согласилась Марфа. — Но не поэтому. Не скорлупа твердая, Лёшенька. Обстоятельства. Или ты сам. Орех дает себя расколоть только тому, кто готов узнать правду.

— Какую правду?

— А вот это ты у бабки и спросишь. Пошли, автобус через полчаса.

Они вышли из дома. Дождь перестал, но небо висело низкое, свинцовое. Леша сунул орех обратно в карман. Марфа заперла дверь на висячий замок, ключ положила под коврик — «так надежнее, воры наш дом и так обходят стороной, боятся».

У остановки стояли. Марфа молчала и курила. Леша смотрел на мокрые листья, на галок на проводах, на троллейбус с надписью «Вологда — город, где дышит история». И думал: а что, если? Что, если есть что-то за гранью физики? Что, если отец погиб не просто потому, что пьяный водитель вылетел на встречку, а потому что... орех?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.